

Приведенные сведения дают возможность уточнить весьма общие данные Кедрина о размерах годового налога после 1040 г. «Орфанотроф вместо продуктов приказал давать номисмы»⁸¹. Как видим, после 1040 г. регулярный годовой налог с одного крестьянского хозяйства составлял около одной номисмы⁸².

Михаил Атталиат, рассказывая о государственной монополии, введенной Михаилом VII Парапинаком на продажу зерновых продуктов в 1074 г., добавляет: «Былое изобилие покинуло государство, и зерно с 18 модиев за номисму поднялось до одного модия за номисму»⁸³.

В «Законе судном людям» говорится, что военноопленные должны были работать, чтобы выкупить себя. При этом плата военноопленному за год составляла три сталенза (сталенз равен номисме)⁸⁴.

Итак, средняя годовая заработная плата равнялась двум-трем номисмам, а на одну номисму при нормальных обстоятельствах можно было купить от 12 до 18 модиев зерна.

Согласно Кедрину, болгары при Василии II платили такой же налог, что и при Самуиле: каждое хозяйство, которое имело пару волов, уплачивало государству по одному модию проса, одному модию зерна и одному кувшину вина⁸⁵. Следовательно, при переводе натуральной ренты в денежную в 1040 г. эта подать была увеличена в несколько раз⁸⁶. Вместо двух модиев зерна и кувшина вина одно хозяйство должно было отдавать фиску сумму стоимостью примерно в 12—18 модиев зерна.

Действительно, при Михаиле IV налоги повысились не только в болгарских землях, но и по всей империи. Рассказывая о восстании Петра Деляна в 1040 г., Кедрин сообщает, что к восстанию примкнули и жители Никопольской фемы, которые взбунтовались не столько из солидарности с Деляном, «сколько из-за ненасытности Орфанотрофа и повышения налогов»⁸⁷.

Эти слова Кедрина недвусмысленно показывают, что превращение натуральных податей в денежные сопровождалось повышением налогов. Особенно обременительными для крестьян были дополнительные поборы. Так как значительная часть этих пошлин шла в пользу сборщиков и их помощников, они стремились взыскать как можно большую сумму, чтобы соответственно возросло и их процентное вознаграждение. Вот почему при измерении земли они «уменьшали размер веревки, приписывая крестьянам большее количество зевгариев по сравнению с тем количеством, которым они в действительности владели»⁸⁸.

Дополнительные пошлины взимались и при назначении государственных чиновников⁸⁹, при ведении судебных процессов⁹⁰ и при рукоположении епископов и митрополитов⁹¹. Постоянным термином для обозначения таких пошлин (в особенности судебных) было *ἐκταγῆσις*. Поскольку большинство пошлин не имело характера регулярных налоговых

⁸¹ Седр., II, p. 530. 12—13.

⁸² ММ, VI, p. 15. Византийские местные чиновники часто получали не очень высокую плату. Вместо этого правительство обеспечивало им питание.

⁸³ Attal., p. 203. 5—7.

⁸⁴ С. С. Бобчев. Старобългарските правни паметници. София, 1903, ст. 14, стр. 90.

⁸⁵ Седр., II, p. 530. 9—15.

⁸⁶ Ср. также Г. Г. Литвин. Налоговая политика. . . , стр. 86.

⁸⁷ Седр., II, p. 530. 2—9.

⁸⁸ Ср. Г. Цанкова-Петкова. Феодалното землевладение в южните и югозападни български земи под византийско владичество. ИИБИ, VIII, 1960, стр. 281 сл.

⁸⁹ F. Dölger. Zum Gebührenwesen. . . , S. 5.

⁹⁰ Ibid., p. 6.

⁹¹ Jus, I, p. 725.